

КИТАЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лексина Е.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (410012, Саратов, ул. Астраханская, 83), e-mail: lexelen_28@mail.ru

В настоящее время китайско-иранское сотрудничество набирает обороты. Обе страны заинтересованы в укреплении как двустороннего партнерства, так и сотрудничества в рамках международных площадок многостороннего формата. Беспрецедентный дипломатический прорыв в вопросе ядерного досье Ирана в 2015 г. позволил стране выйти на мировые рынки, что, безусловно, не могло не отразиться на конъюнктуре международных отношений. Выход Ирана из изоляции и как результат повышение внимания к ИРИ со стороны экономического гиганта КНР позволяют говорить о дипломатическом фиаско США, поскольку длительные экономические санкции не возымели ожидаемого успеха. В этих условиях значительный интерес представляет динамика китайско-иранских отношений «до» и «после» урегулирования иранской проблемы, а также влияние американского фактора на международное «поведение» Ирана.

Ключевые слова: сотрудничество, партнерство, китайско-иранские отношения.

CHINESE-IRANIAN RELATIONS: REALITIES AND PROSPECTS

Leksina E.A.

Saratov State University (410012, Saratov, Astrakhanskaja Street, 83), e-mail: lexelen_28@mail.ru

Currently Chinese-Iranian cooperation is steadily expanded. The states are interested both in the strengthening of bilateral partnership and in the cooperation within the multilateral platforms. The unprecedented diplomatic breakthrough on the issue of the Iranian nuclear program in 2015 gave the opportunity to Iran to enter the world markets, it certainly could not but affect on the conjuncture of international relations. The exit of Iran from the isolation and, as a result, the increased attention to the Islamic Republic of Iran from the economical giant PRC allows to speak about the diplomatic fiasco of the USA, since the durable economical pressure had not had the expected success. Under the circumstances the dynamics of Chinese-Iranian relations «before» and «after» of the settlement the Iranian problem as well as the influence of American factor on the Iran's international «behavior» represents the considerable interest for the research.

Key words: cooperation, partnership, Chinese-Iranian relations.

Ввиду усиливающихся экономических и политических позиций Китая на мировой арене, его влияние на текущие глобальные и региональные процессы становится все сложнее игнорировать. КНР постепенно включается в соперничество с США в различных точках земного шара, в том числе и на Ближнем Востоке. Однако надо отдать должное Поднебесной – китайский подход гораздо гибче и основан, прежде всего, на экономическом сотрудничестве и инструментах «мягкой силы», в отличие от жесткого американского подхода.

Одним из направлений ближневосточной политики Китая является развитие отношений с Исламской Республикой Иран (ИРИ). При этом, как отмечает председатель КНР Си Цзиньпин, развитие китайско-иранских связей не только отвечает интересам двух стран, но и

окажет в дальнейшем позитивное воздействие на мир и стабильность на Ближнем Востоке [8].

Целью данной статьи является анализ текущего состояния и перспектив развития отношений между КНР и ИРИ.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить ключевые ниши двустороннего сотрудничества и выявить основные проблемы в них;
- проанализировать фактор США в китайско-иранском диалоге;
- охарактеризовать перспективы дальнейшего развития китайско-иранских отношений.

На сегодняшний день Китай установил достаточно тесные отношения с Ираном, став одним из его крупнейших торговых партнеров. В 2014 г. общий уровень их товарооборота составил 51 млрд. 85 млн. долларов – это на 72 % больше, чем в 2013 г. [1]. Одной из главных статей в двусторонней торговле является нефтяной сектор. Китай выступает основным импортером иранской нефти, потребляя ежегодно около 20 % «черного золота» [4]. При этом важной особенностью товарно-денежных отношений Ирана и Китая является то, что они используют в качестве расчетной единицы китайскую национальную валюту (юань): Иран поставляет Китаю энергоресурсы, а взамен получает китайскую национальную валюту, которая используется для закупки товаров в Китае. Подобные действия ставят под сомнение долларовую монополию США. В то же время, по оценкам некоторых экспертов, отход Ирана от осуществления транзакций в американских долларах, хотя и является вынужденной мерой, ведет к усилению зависимости экономики Ирана от Китая. Это, в свою очередь, может усложнить доступ иранской продукции на новые рынки.

Китай активно проникает на иранский рынок: китайские фирмы работают в основном в области нефте- и газодобычи и их последующей переработки. Отличительной чертой энергетического сотрудничества двух стран является то, что Иран предоставляет возможность китайским компаниям осваивать свои месторождения в обмен на инвестиции. Первое соглашение между китайской Sinopec и иранской NIOC было подписано в 2000 г. С тех пор энергетическое сотрудничество интенсивно развивается.

Активизируется сотрудничество в сфере автомобилестроения. Несмотря на то, что Китай не является крупной автомобилестроительной державой, китайская автомобильная компания Chery открыла свой первый зарубежный завод именно в Иране, что позволяет китайским автопроизводителям в конечном итоге пробиться на мировой рынок [6].

Важным направлением ирано-китайских связей является инвестиционное сотрудничество. К примеру, в 2014 г. Национальная иранская нефтяная компания подписала три согла-

шения с китайскими корпорациями Uniprec и Sinoprec по увеличению поставок из ИРИ нефти, газоконденсата и расширению китайских инвестиций в Иране. Китайская компания Sinoprec ведет разработку нефтяного месторождения Ядавран в юго-западной провинции Хузестан, подтвержденные запасы которого составляют 30 млрд. баррелей нефти. Сумма контракта – 2 млрд. долларов [6]. Кроме того, Иран проявляет заинтересованность в привлечении китайских новейших технологий и оборудования для обустройства и эксплуатации своих месторождений нефти и газа.

Помимо сотрудничества в разработке и закупке иранских полезных ископаемых, Китай содействует развитию военной промышленности Ирана, поставляя ему ракетные технологии. Стоит также отметить, что Тегеран всерьез задумывается о перевооружении, поскольку эмбарго на поставки военной техники поставило его в затруднительное положение: военная техника и оборудование устарели, а покупка новых была запрещена. Но сейчас ситуация меняется, т.к. в результате достигнутых договоренностей санкции постепенно будут сняты с Ирана и он сможет закупить необходимое военно-техническое оборудование. В первой линии вероятных поставщиков военной техники стоит Китай. По сообщениям ряда источников, стороны уже договорились о крупной сделке: Иран собирается закупить большую партию китайских истребителей J-10 [2]. Экспортная цена единицы достигает 41 млн. долларов. J-10 может поражать наземные и воздушные цели, хотя его боевой потенциал далек от возможностей новейших западных и, особенно, американских машин четвертого поколения. Если такая сделка состоится, то она станет одним из крупнейших военных авиаконтрактов последних лет.

Безусловно, политика Китая на иранском направлении обусловлена во многом сугубо прагматичными соображениями, но в то же время именно благодаря китайским инвестициям Иран смог противостоять западным санкциям и развиваться в рамках своих ограниченных возможностей.

Следует также отметить, что в вопросах глобального мироустройства позиции Китая и Ирана зачастую сходятся. Стороны убеждены в необходимости построения многополярного мира, в котором основные международные проблемы будут решаться всеми членами мирового сообщества, а не одной державой; и Иран, и Китай относятся негативно к проявлениям гегемонии и политики «жесткой силы», а также придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Рассматривая динамику политических и дипломатических контактов между высокопоставленными лицами Ирана и Китая последних лет, можно отметить укрепление диалога и обоюдное стремление развивать отношения партнерства и сотрудничества в различных сферах. Так, во время визита Хасана Роухани в Китай он неожиданно для Запада заявил, что

Иран намерен развивать сотрудничество и партнерство с двумя восточными державами – Россией и Китаем [5]. Подобное заявление Запад во главе с США воспринял в негативном ключе, поскольку предполагал, что имеет в лице Х. Роухани умеренного и прозападного политика. Более того, 22 января 2016 г. состоялся визит председателя КНР Си Цзиньпина в Тегеран. Примечательно, что глава КНР стал первым мировым лидером, посетившим Иран после отмены западных санкций. В ходе встреч лидеры двух стран подписали пакет документов – всего в рамках визита было подписано 17 соглашений. Из них особо следует отметить Соглашение о всестороннем стратегическом партнерстве и примыкающую к нему 25-летнюю Программу по развитию отношений и расширению торговли. Одной из основных целей данной программы является увеличение товарооборота за десять лет до 600 млрд. долларов [3].

В числе подписанных документов – Межправительственный меморандум о взаимопонимании в целях поощрения и установления морского «Шелкового пути XXI века» и экономического пояса Иран-Китай в рамках этого проекта; Договор о взаимной правовой помощи по уголовным, гражданским и коммерческим делам; соглашения о научно-техническом сотрудничестве, сотрудничестве в области охраны окружающей среды и по вопросам экологии. Подписан также Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области использования атомной энергии в мирных целях.

Таким образом, произошедший в результате взаимных усилий дипломатический прорыв в ирано-китайских отношениях имеет все шансы стать системообразующим фактором безопасности на Ближнем Востоке и предвестником становления многополярного мира.

В данной связи представляется необходимым проанализировать внешнеполитический вектор Ирана и реакцию иранского руководства на нарастающее американо-китайское соперничество в регионе. Главный вопрос заключается в том, что означает «крен» иранского правительства в сторону восточных держав, в первую очередь Китая, и какова конечная цель данного поворота?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу внешнеполитической концепции Ирана, которая была изложена еще в разгар предвыборной кампании Х. Роухани. Ключевым тезисом иранского президента является развитие внешней политики в направлении, которое может обеспечить национальные интересы. Согласно данной точке зрения, иранские дипломаты принимают решения и начинают переговоры только из расчета своих возможных прибылей и убытков [5]. Таким образом, выходит, что принципиальным отличием внешней политики Х. Роухани от его предшественников является основанный на концепции реализма прагматичный подход, который применим и к выбору союзников и партнеров.

Китай для Ирана стал своеобразной «панацеей» от экономического краха, который мог бы иметь место ввиду крайне ограниченного арсенала экономических и политических средств страны и поляризации взглядов с ведущими мировыми акторами (в данном случае США и ЕС). Ведь именно Китай активировал потоки инвестиций в иранскую экономику, привлекал свои концерны и промышленные заводы на территорию Ирана, снабжал его вооружением и техническим оборудованием и косвенно поддерживал в вопросе развития ядерной программы. По моему мнению, созданная таким образом платформа развития ирано-китайского сотрудничества весомо окрепла и является залогом дальнейшей позитивной динамики двусторонних отношений.

На мой взгляд, самая важная выгода, которую получает Иран от сотрудничества с Китаем, состоит в косвенной защите экономических и политических интересов Ирана от произвола США и их союзников. Экономическая помощь заключалась в сохранении относительной экономической стабильности Ирана за счет китайских денег и товаров и появления для иранских энергоресурсов огромного рынка сбыта, который потребляет большую их часть в условиях все еще сохраняющегося нефтяного эмбарго со стороны Запада. Политическая защита – косвенная поддержка позиции Ирана по продолжению разработок мирного атома. Изменится ли конфигурация иранских партнеров после начала реализации положений «Венского пакта», достигнутого в июле прошлого года? Неизвестно. Но можно сделать некоторые предположения.

Во-первых, ирано-китайское партнерство, по моему мнению, нельзя рассматривать без учета интересов США. Пекин, скорее всего, прекрасно понимает, что интерес Вашингтона к Тегерану обусловлен преимущественно стремлением обеспечить свое стратегическое доминирование в регионе и добиться контроля над богатейшими углеводородными ресурсами Ирана. В таком случае кажется вполне закономерным явлением китайская политическая поддержка Ирана, которая становится важным элементом усиливающегося геополитического соперничества США и КНР на Ближнем Востоке. Для Китая важно и то, что иранский рынок не контролируется американцами, поэтому для китайских компаний там значимых конкурентов нет.

Вероятно, в перспективе внешнеполитический прагматизм Китая в его отношениях с Ираном сохранится. Кроме того, некоторые исследователи выделяют ряд преимуществ Китая в выстраивании отношений с ИРИ. Во-первых, Китай и Иран географически не соприкасаются друг с другом, что помогает избежать трений, обычно возникающих между соседними государствами. Во-вторых, Китай – крупнейший покупатель иранской нефти и один из немногих импортеров, которые продолжали сотрудничать с Ираном в условиях западного нефтяного эмбарго. И, наконец, Китай является ядерной державой и постоянным членом Со-

вета Безопасности ООН, обладающим правом вето. Иран рассчитывает на Китай как на страну, сдерживающую принятие радикальных решений в Совбезе. В Тегеране считают, что именно Китай – единственная страна, которая в обозримом будущем может стать сверхдержавой и бросить вызов мощи США.

Таким образом, на сегодняшний день Иран – один из крупнейших поставщиков энергоресурсов для китайской экономики и дополнительный рынок сбыта китайской продукции. В целом, Иран для Китая не только выгодный торгово-экономический партнер, но и одна из ключевых площадок в нарастающем соперничестве с Соединенными Штатами за получение свободного доступа к энергоресурсам и рынкам стран Ближневосточного региона. По мнению пекинских властей, в этих условиях КНР не должна уступать давлению США, поэтому китайский истеблишмент наращивает усилия по защите собственных геополитических интересов и нейтрализации планов Вашингтона. Однако действовать Китай предпочитает с помощью экономических инструментов и ресурсов «мягкой силы». Китайцы четко следуют традиционному кредо: «Не ошибается тот, кто, избегая крайностей и пристрастий, всегда избирает срединный путь» [7]. Даже в случае, если США попытаются использовать свои рычаги давления в целях разрушения китайско-иранского сотрудничества, вполне уверенно можно заключить, что Пекин не откажется от иранской нефти и выгодных инвестиционных проектов.

Как можно заметить, Иран попал в сложную ситуацию: с Запада на него давление оказывают США, с Востока – стремительно растущий Китай. Понятно, что в такой ситуации перед иранскими властями встает резонный вопрос: в чьей орбите продолжать следовать? Безусловно, иранским властям вряд ли понравится, чтобы их страна использовалась в качестве плацдарма для конфронтации двух мировых экономических гигантов. Однако можно предположить основные последствия, если учесть, что Иран выберет в качестве союзника Китай или США.

Если Иран пойдет по восточному пути, т.е. в фарватере КНР, то иранская нефть будет постоянно обеспечена покупателем, что для национальной экономики принципиально, поскольку экспорт страны на 80 % завязан на нефтяной и газовой продукции. Более того, китайские корпорации инвестировали огромные средства в экономику Ирана, что послужило спасательным кругом для последнего, поскольку изнуренная длительными санкциями экономика готова была задохнуться, но устояла благодаря финансовой поддержке Китая.

Если же Иран повернется в сторону США, что, на мой взгляд, маловероятно, то, скорее всего, его ждут неоднозначные последствия. В отличие от более-менее понятной ситуации с Китаем, здесь, даже в случае снятия санкций, гарантий относительно того, переориентируются ли хотя бы некоторые западные страны на импорт нефти и газа из Ирана, не суще-

ствует. Поэтому в сложившейся ситуации ставка Ирана на Китай мне кажется более оптимальной, однако и в этом случае страну в перспективе ожидают не только позитивные последствия.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01208.

Список литературы:

1. Бобкин Н. Иран и Китай: в основе дружественных отношений прагматизм // Новое восточное обозрение. – 21.02.2014. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/02/21/iran-i-kitaj-v-osnove-druzhestvennyh-otnoshenij-pragmatizm/>
2. Иран закупит 150 китайских истребителей J-10 // Научно-популярный портал Naked Science. – 03.08.2015. – Режим доступа: <http://naked-science.ru/article/tech/smi-iran-zakupit-150-kitaiskik>
3. Иран и Китай договорились стать стратегическими партнерами // Lenta.ru. – 23.01.2016. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/01/23/partnership/>
4. Неронова А.В. Ирано-китайские отношения как фактор сохранения суверенитета Ирана: современность и перспектива // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. – 2013. – № 6. – С. 105 – 108.
5. Нури М. Политика Рухани – движение к Востоку без вражды к Западу // Информационно-аналитический журнал «Современный Иран». – 2014. – № 32. – С. 29 – 36.
6. Пастухова Г. Сотрудничество Ирана и Китая: взаимные интересы, тактические и стратегические // Индекс безопасности. – 2009. – № 89. – С. 49 – 63.
7. Пекин и иранский ядерный кризис // Мир и политика. – 04.12.2012. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/2411-pekini-iranskiy-yadernyy-krizis.html>
8. Представитель МИД КНР ознакомила с итогами визита председателя парламента Ирана в Китай и позицией Китая по ядерной проблеме Ирана // Информационное агентство Синьхуа. – 01.11.2013. – Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2013-11/01/c_132849519.htm